

СОЦИОЛОГИЯ

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие. Смысл и значение социологических исследований молодежи в постсоветское время	9
2. Особенности политической культуры России и блокировка социально-политической трансформации	16
<i>Проблема «поколения» в дискуссиях в Германии и России</i>	16
<i>К определению молодежи</i>	35
3. Исследования молодежи 2000–2010-х годов. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации	42
<i>К феноменологии нового города</i>	46
<i>Город и деньги</i>	48
<i>Город и «общество»</i>	49
<i>Идентичность успешной городской молодежи и «Запад»</i>	50
<i>Молодежь и политика</i>	57
<i>Удовлетворенность жизнью</i>	59
<i>Учеба и проблема качества образования</i>	61
<i>Учеба и деньги</i>	66
<i>Молодежь и работа</i>	69
<i>Готовность отстаивать свои права</i>	72
<i>Молодежь и успех</i>	74

4. «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могли усвоить и усвоили молодые	78
<i>Молодежь и изменение ценностей</i>	78
<i>Невостребованный опыт Запада</i>	82
<i>Бегство от истории</i>	83
<i>Отношение молодежи к сталинской эпохе и советскому прошлому</i>	85
<i>Вторая мировая война глазами современных россиян</i>	88
<i>Распад Союза</i>	89
<i>Враги внутренние и внешние: уроки нетерпимости</i>	97
<i>Россия в окружении врагов</i>	100

5. К проблеме поколений в России (историко-символические и политические установки)	103
<i>Теоретические подходы и проблемы</i>	103
<i>Эмпирическая база исследования</i>	109
<i>Значимость исторических событий</i>	111
<i>Отношение к Западу</i>	117
<i>Эмиграция</i>	122
<i>Государственное устройство</i>	123
<i>Отношение к Сталину</i>	126
<i>Мифологизация советского</i>	130
<i>Источники информации</i>	133
<i>Потребление</i>	135
<i>Заключение</i>	138

6. Преемственность и изменения в поколении	
2002–2020 годов	141
<i>Исследовательская проблематика, цели и задачи исследования</i>	141
<i>Общая характеристика современной молодежи России: ее самописание</i>	143
<i>Удовлетворенность жизнью и представления о будущем</i>	145
<i>Страхи. Тревожность: структура и интенсивность социального беспокойства</i>	152
<i>Материальное положение, межпоколенческие отношения</i>	155
<i>Семья и социализация</i>	161
<i>Успех и достижение как идеологемы начала 90-х</i>	173
<i>Идентичности: иерархия и гордость</i>	193
<i>Типы адаптации к переменам</i>	200
<i>Будущее</i>	202
<i>Межличностное доверие</i>	205
<i>Социальная дистанция</i>	208
<i>Терпимость к нарушению нормы</i>	211
<i>Обобщенное и институциональное доверие</i>	214
<i>Ценности и права</i>	215
<i>Демократические установки</i>	218
<i>Цели политики правительства</i>	222
<i>Политика: ангажированность, взгляды, мнения, участие, представления</i>	225
<i>Политическое участие</i>	228

<i>Политические взгляды</i>	239
<i>Традиционализация массового сознания как реакция на социетальный кризис</i>	242
<i>Православие без веры. Религия и религиозность</i>	245
<i>Религиозные практики</i>	253
<i>Представления об историческом процессе, характере изменений и ожидания в отношении будущего</i>	257
<i>Характер и качество исторических знаний</i>	272
<i>Каналы и источники исторических представлений</i>	275
<i>Эмиграция: мечты о другой жизни</i>	285
<i>Эмиграционные настроения молодежи</i>	286
<i>Реальная эмиграция или «чемоданные» настроения?</i>	293
<i>Двойственность образов западных стран</i>	294
Заключение	297
Приложение 1. Методические характеристики опросов. Выборка исследования 2020 г.	301
Приложение 2. Служебная записка о ходе опроса СП-35 «Молодежь»	307
Список литературы	310

1. ПРЕДИСЛОВИЕ. СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЛОДЕЖИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Предлагаемая читателю книга представляет собой анализ материалов ряда социологических исследований молодежи, проведенных сотрудниками Левада-Центра начиная с 1989 года. Она содержит обобщение полученных к середине 2000-х годов результатов и подводит итог работам по этой тематике, проведенным позднее, главным образом в 2018–2020 годах¹.

Проблематика молодежи (в рамках основных проектов нашего центра) всегда рассматривалась в контексте идущих социальных изменений и осмысливающих их концепций. По существу, мы описываем очередные фазы процесса изменений коллективных представлений (их рекомбинации), захватывающих два постсоветских «поколения» молодежи — родившихся в середине или в конце 1980-х годов и в середине или конце 1990-х годов. Социализация первых совпала со временем распада СССР, с самым тяжелым периодом институциональных трансформаций, падением уровня и качества жизни, социальной дезориентированностью основной массы населения, аноимией, быстрой утратой перестроечных иллюзий; социализация второго поколения приходится на годы установления авторитарного режима, бурного роста потребления, идеологического

¹ Рабочая группа, занимавшаяся в последние годы реализацией этого проекта (концепцией, разработкой тематических блоков интервью, анализом данных и подготовкой текстов для настоящей книги), включала Л. Д. Гудкова, Н. А. Зоркую, Е. В. Кочергину и К. Д. Пипию; проведение самих опросов (выборка, организация и технология исследования, контроль и обработка данных) обеспечивалось соответствующими функциональными отделами Левада-Центра.

консерватизма и конфронтации с Западом, появления протестного движения 2010–2013 годов и аннексии Крыма.

Крах коммунистической системы, кризис которой обозначился уже в середине 1980-х годов, поставил перед социальными учеными множество теоретических вопросов о природе и причинах кризиса тоталитарного режима и его последствиях. Ответов на эти вопросы не было не столько потому, что не хватало необходимой эмпирической информации для понимания устойчивости системы, ресурсов ее легитимности и потенциала воспроизводства (то есть необходимых социальных, экономических и культурологических исследований), сколько, наоборот, из-за отсутствия концептуальных наработок и ограниченности ценностных оснований, что сдерживало возможности эмпирических исследований, загоняя последние в рамки социологической банальности и поверхностного описания.

В позднесоветское время усилия по восстановлению социологии как научной дисциплины после ее запрещения в 1920-х годах натолкнулись на сопротивление партийных консерваторов, настаивающих на том, что социологии как самостоятельной науки в рамках марксистского обществоведения не может быть, что функции теории общества и государства выполняют разработки на основе «исторического материализма». Социологии отводилась частная роль эмпирического подтверждения правильности партийного курса и средства «оптимизации эффективности» государственного управления. Советская социология находилась в придушенном состоянии, не будучи способной освободиться от идеологических и организационных последствий разгрома в 1972 году Института конкретных социальных исследований АН СССР, чисток исследовательских кадров, общего ужесточения политического контроля, наступившего после Пражской весны и рабочих волнений в Польше, и преследований инакомыслящих. Никаких открытых теоретических

обсуждений вопросов устойчивости режима и возможных последствий его краха не могло быть. И главным образом их не было потому, что не было тех, кто мог бы ставить такие вопросы. Сервильность и научная стерильность оставшихся и вновь набранных после чисток 1972–1973 годов «социологов» ИКСИ АН СССР — ведущего академического института социологии — надолго, на десятилетия, определили серость, эклектику, зависимость от властей российской социологии, ее функцию обслуживания бюрократии.

Собственно социологическая проблематика ушла в сферу неформальных дискуссий и семинаров, не подлежащих внешнему контролю. Период середины 1970-х — начала 1980-х годов был периодом «устной социологии». Именно в это время бывшие сотрудники Ю. А. Левады из возглавляемого им (до разгрома института) Сектора теории и методологии изучения социальных процессов (ведущего на тот момент научного подразделения, занимавшегося анализом современных социологических теорий) стали обсуждать проблемы возможной трансформации коммунистической системы, механизмы ее воспроизводства, ресурсы ее устойчивости, значение бюрократии, функции, типы и т. п. Учреждение в 1987 году Всесоюзного центра изучения общественного мнения позволило подвести под эти дискуссии основу в виде эмпирических исследований начавшихся трансформаций. Его возглавили академик Т. И. Заславская, автор знаменитого «новосибирского манифеста», в котором был поставлен диагноз исчерпания возможностей «социалистической экономики», и Б. А. Грушин, много лет пытавшийся создать советский Гэллуп — институт по изучению общественного мнения в СССР. Заславская пригласила на работу опального Леваду и его сотрудников, положив начало масштабным исследованиям процессов трансформации советской системы¹.

¹ В 1989–1993 годах были проведены несколько масштабных исследований: «Итоги года», «Русский национализм», «Бюрократия», «Антисемитизм

Исходная гипотеза Ю. Левады состояла в том, что кризис советской системы связан с дефектами ее воспроизводства, а именно медленно нарастающим внутренним сопротивлением людей хроническому режиму мобилизационного общества — военизированного, иерархического, с централизованной государственной распределительной экономикой, подчиненной политическим целям, в том числе имперской экспансии и поддержанию военного паритета с США и НАТО.

Парадокс существования этой системы заключался в том, что сохранение огромного военно-промышленного потенциала требовало все больше квалифицированных инженерно-технических и научных специалистов, подготовленных рабочих, что вступало в противоречие с жестким контролем над социальной мобильностью, в первую очередь вертикальной, и плановой дистрибутивной системой оплаты труда. Хронический потребительский и информационный дефицит подавлял инициативу и мотивацию к интенсивной и продуктивной работе. Высокий уровень военных расходов мог сохраняться на протяжении десятилетий только за счет низкого уровня жизни населения, идеологически оправдываемого враждебным окружением страны и угрозой войны, конфронтацией двух социально-политических систем — западной демократии и закрытого общества социализма. Брежневский застой

и ксенофобия», «Миграция русских из бывших республик СССР» и др. Но главным, программным для команды Ю. Левады стал исследовательский проект «Простой советский человек» — социологическое и социально-антропологическое изучение ценностных и нормативных установок уходящего общества. Это исследование (1990–2012) представляет собой опрос, повторяемый каждые четыре-пять лет по той же анкете и методике, что позволяет фиксировать как изменения в базовых характеристиках российского общества, так и воспроизводящиеся структуры массового сознания. Анализ результатов первого опроса см.: Простой советский человек. Опыт социологического портрета на рубеже 90-х. М., 1993. Последующие материалы проекта рассматривались в книгах: *Левада Ю.* От мнений — к пониманию. М.: МШППИ, 2000; *Он же.* Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006, их можно найти в многочисленных публикациях в журнале Левада-Центра «Вестник общественного мнения».

сопровождался относительным перепроизводством людей с высоким уровнем образования, с одной стороны, и истощением веры в коммунизм и, соответственно, эрозией легитимности власти, с другой. Он дал толчок (молодежному) эскапизму, появлению андеграунда и разнообразных форм уклонения от власти, пассивного сопротивления режиму, возникновению разнообразных контркультурных движений — от религиозного национализма до неоязычества и оккультизма. Начиная с середины 1980-х годов обозначились признаки внутреннего разложения системы.

Крах советской системы был вызван резонансом трех масштабных процессов, каждый из которых не был «смертельным» для режима: кризиса государственной плановой экономики, неспособной обеспечить людей жизненно необходимыми средствами существования, кризиса этнонациональных отношений — нарастания сепаратизма советских республик и этнонациональных автономий внутри них¹, и кризиса идеологии — утраты веры в марксизм, коммунизм и будущее социализма.

Острее всего эти противоречия между склеротизированной системой государственного управления (господства) и новыми запросами общества, новыми отношениями проявлялись у молодежи, отказывавшейся следовать привычным нормам поведения старших поколений советских людей. Легитимные основы советского порядка размывало сознание протivoестественности сохранявшегося изоляционизма вкупе с медленно нараставшим неприятием покорности, всеобщего оппортунизма и идеологического конформизма, а также внутреннее сопротивление бессмысленной войне в Афганистане в сочетании с хроническим потребительским дефицитом².

¹ К 1987–1989 годам в стране насчитывалось более 130 кровопролитных конфликтов между разными этническими общинами.

² См.: Есть мнение! Итоги социологического опроса. М.: Прогресс, 1990.

Уже самые первые социологические исследования, проведенные в рамках нашего сквозного проекта «Советский простой человек», показали устойчивую связку трех параметров: возраста, образования и места жительства. *Молодые, образованные жители крупных городов* (в первую очередь столиц, включая республиканские столицы — Киев, Тбилиси, Ригу, Таллин, Вильнюс, Кишинев, таких мегаполисов, как Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Новосибирск и др.) характеризовались прозападными, демократическими установками, требованием реформ и антикоммунистическими взглядами. Казалось, что именно эти группы населения будут задавать вектор социальных и политических изменений.

Но этого, как известно, не произошло. «Одним из ключевых символических кодов в первоначальном восприятии перестройки и реформ был код молодежной культуры („субкультуры“). Однако при всей открытости более молодого поколения к переменам, при относительном усвоении им достигательских ориентаций и их символов, установок на успех, социальное продвижение и т. д., горизонт понимания этих перемен, связанных с ними процессов в политической, экономической, культурной жизни в значительной степени блокировался именно данным молодежным кодом. Представляя соответствующие символы как знаки возрастной фазы, а не общезначимого образца, он определял — а значит, и ограничивал — уровень восприятия, глубину понимания перечисленных процессов. По мере ослабления и бюрократизации политических и культурных элит в процессах блокирования выработки новых „языков“ декларируемые в начале перестройки либерально-демократические ценности тем легче превращались в риторические фигуры, лишаясь функций, скольконибудь продуктивных для самопонимания общества»¹.

¹ Зоркая Н. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установка на социальное достижение // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2001. Март — апрель. № 2 (52). С. 23.

С точки зрения генерационной проблематики (хотя, конечно, можно предположить и другие интерпретации) молодежь с такими ценностными ориентациями была оттеснена предшествующим поколением бюрократии, поколением застоя (задержанным в своем карьерном развитии) и не допущена к ключевым социальным позициям, что должно было бы стать предпосылкой институциональных изменений. В результате в перестроечной политике и в первые годы реформ доминировал дискурс «демократической части советской номенклатуры», персонифицированной фигурами Б. Ельцина, членов его правительства и депутатского корпуса (Р. Хасбулатов, А. Лукьянов и проч.).